

Платоненко Владимир

Эволюция крестьян и ремесленников, или к какому классу относятся «новые самостоятельные»

Если либеральные экономисты и политологи используют в своих работах абсолютно ненаучный термин «средний класс», ненаучный, во-первых, потому что, вопреки своему названию, он определяется не по классовым признакам, а по размерам имущества и степени престижа, а во-вторых, потому что четкое определение его границ вообще отсутствует, и кого относить к нему, а кого нет, каждый раз решает сам относящийся; если либералы просто не могут обойтись без этого заведомо лживого термина, то у ленинистов точно таким же абсолютно неопределенным и одновременно жизненно необходимым термином является термин «мелкая буржуазия». Истоки этого термина восходят к тем временам, когда слово «буржуа» означало любого горожанина (дворяне горожанами не считались). По мере того, как слово «буржуазия» стало все больше прилипать к классу капиталистов, «мелкие горожане» не захотели отдавать купцам и фабрикантам гордое имя горожанина, и в итоге, наряду с термином «буржуазия», появился термин «мелкая буржуазия». Пролетарии не попали под это определение лишь потому, как пролетарское положение считалось по тем временам столь позорным, что пролетариев порой, не то что за горожан, за нормальных людей не считали. К пролетариям, то есть людям, вынужденных продавать не свои изделия, а самих себя в качестве рабочей силы, относились примерно так же, как к проституткам, продающим за неимением другого товара свои тела. Как бы то ни было, но уже Маркс употреблял термин «мелкая буржуазия» в отношении класса ремесленников, прекрасно, впрочем, понимая, что этот класс отличается от класса буржуазии не меньше, чем любой из этих классов отличается от пролетариата. Почему Маркс тем не менее не отказался от этого термина: потому ли, что считал, будто это отличие понятно и дураку, и никому не придет в голову смешивать «мелкую буржуазию» с собственно буржуазией, потому ли, что, с точки зрения Маркса, ремесленники должны были вот-вот исчезнуть как класс, или почему-то еще — это в данном случае не важно. Важно другое. Последователи Маркса, во-первых, стали часто смешивать два класса, воспринимая «мелкую буржуазию» как часть буржуазии, а во-вторых, стали относить к мелкой буржуазии сначала крестьянство, а затем и вообще всех и вся, кто не вписывался в их теории, кого они по тем или иным причинам не могли или не хотели причислить ни к пролетариату, ни к собственно буржуазии. Пожалуй, только интеллигенция (тоже, кстати говоря, весьма неопределенный термин) и люмпен-пролетариат избежали причисления к мелкой буржуазии. Впрочем, к термину «интеллигенция» часто прибавляется дополнительный термин: «буржуазная», «пролетарская», «народная», «рабоче-крестьянская», ну, и конечно же, «мелкобуржуазная», а что до люмпен-пролетариата, то кое-кто и его, ничтоже сумняшеся, заносит в ряды «мелкой буржуазии».

В результате термин стал столь же неопределенным и расплывчатым как и либеральный «средний класс». Причем, как и в случае со «средним классом», неопределенность становится его основным «достоинством», позволяя относить к непонятному классу по сути дела кого угодно. Если какой-то слой ведет себя не так, как по теории должен вести себя пролетариат, но на буржуазию явно не похож, значит он относится к мелкой буржуазии. Если ведет себя не как положено буржуазии, но

явно — не пролетариат, значит, тоже мелкая буржуазия. Если просто непонятно, куда его относить и что от него ждать, значит опять-таки лучше от греха подальше зачислить непонятный слой в ряды мелкой буржуазии. Если все вышеупомянутые слои при этом ведут себя по-разному и при социальных конфликтах оказываются в разных лагерях, то в этом нет ничего странного, ибо интересы мелкой буржуазии противоречивы, и потому от нее можно ждать чего угодно и когда угодно — это единственное, что могут ленинисты сказать вразумительного о «мелкой буржуазии» в их понимании. Такой вот удобный класс на все случаи жизни.

Возникает вопрос, а что же реально представляют из себя те слои, которые ленинисты, не мудрствуя лукаво, списывают в ряды «мелкой буржуазии»? В частности, что же из себя представляют сейчас ремесленники, которые, вопреки всем аргументам Маркса (кстати, весьма убедительным), не только не исчезли, но и в последние десятилетия начали вновь увеличивать свою численность за счет наемных работников, становящихся хозяевами своих орудий производства (автомобилей, компьютеров и т. д.)? Посмотрим же внимательно, что из себя представляют такие труженики, а заодно и посмотрим, совпадают ли они как класс с теми ремесленниками, которых Маркс именовал «мелкими буржуа», или нет (в последнем случае понятно, почему они существуют, в то время как «мелкая буржуазия» была, по мнению Маркса, исчезающим классом).

Для начала рассмотрим средневековых ремесленников, а заодно и средневековых крестьян (здесь и далее под термином «средневековый ремесленник» или «средневековый крестьянин» будем понимать ремесленника или крестьянина феодального общества, а не просто жившего в ту эпоху). Прежде всего отметим, что средневековые крестьяне и ремесленники никогда не были частными собственниками средств производства. Земля — основное средство производства средневековых крестьян принадлежала либо монарху, либо феодалу, либо общине. В частной собственности крестьянина оставались скот, семена и инвентарь — без земли все это не имело никакой ценности, никакого смысла, да зачастую и просто не могло существовать (скот надо было где-то пасти, семена — где-то сеять и т. д.). Ремесленник тоже, хоть и имел в собственности мастерскую и оборудование, но при этом не мог продавать свои изделия в городе, если не был членом цеха. По сути дела в собственности цеха была лицензия на изготовление и продажу товаров, хотя таких слов в те времена еще не знали. Многие исследователи утверждают, что и оборудование могло быть собственностью цеха, кроме того могла иметь место коллективная закупка сырья с последующим распределением. И уж что совсем бесспорно, так это то, что цехи строго регламентировали количество станков в мастерских своих членов. Так что считать средневекового ремесленника полноправным собственником своего оборудования тоже нельзя.

Кроме того средства производства средневековых крестьян и ремесленников не были капиталом то есть не приносили прибыль. Весь произведенный продукт (кроме той его части, что отбиралась феодалами) частично потреблялся самими производителями и членами их семей, частично продавался, чтобы на вырученные деньги купить продукты или услуги производимые кем-то другим, частично шел на поддержание производства (зерно оставалось на семена, на вырученные от продажи изделий деньги покупалось сырье и т. д.). Накопления продуктов или денег, а тем более средств производства не производилось. Частично это определялось цеховыми уставами, запрещавшими приобретение «лишнего» оборудования и расширение производства, частично — ментальностью

средневекового крестьянина или ремесленника, который мог откладывать деньги на конкретную покупку или делать резервный запас «на черный день», но просто так копить, что бы то ни было считал бессмысленным и даже греховным. Первичное накопление, положившее начало капитализму, велось в первую очередь за счет разбоя (крестовые походы, колониальный грабеж, пиратство), а во вторую — за счет торговли награбленным.

Из всего вышесказанного может сложиться впечатление, что средневековые крестьяне и ремесленники были по сути дела одним классом, что средневекового крестьянина можно считать таким же частным случаем средневекового ремесленника, как пекаря, плотника или кузнеца. Однако между крепостным или просто зависимым крестьянином и ремесленником из вольного города была принципиальная разница. Граждане вольных городов не эксплуатировались феодалами.

Экономической основой этого различия являлась военная мощь городских коммун, которые не только не нуждались в военной защите со стороны феодалов (в крайнем случае феодал мог быть приглашен в качестве наемного военспеца — командира городского ополчения), но и могли сами нанести поражение феодальной дружине, если та без спроса совалась под стены города. В русских землях аналогом свободных ремесленников стали не только новгородские и псковские горожане и московские стрельцы, но и казаки, а в Швейцарии — обычные крестьяне, разбившие австрийских и бургундских рыцарей. Многие казаки, даже ранние, не говоря уже о стрельцах, получали от монархов плату за военную службу, а итальянские горожане, прогнав феодалов, сами стали эксплуатировать крестьян (этого, кстати, не чуралось и казачество, особенно позднее [офицеры кубанского казачества имели крепостных]), так что класс ремесленников, и казаков (или лучше сказать, класс тружеников-воинов, поскольку представители этого класса сочетали в себе обе эти ипостаси [в отличие от чистых тружеников — крестьян и чистых воинов — феодалов]), этот класс частично смыкался с классом феодалов. С другой стороны крестьяне в странах «северного феодализма» сохранили свое значение в качестве военных ополченцев и поэтому значительно меньше подвергались эксплуатации, чем крестьяне классических феодальных стран, но все-таки подвергались; а граждане многих городов лишь частично избавились от феодальных повинностей — следовательно на другом своем краю класс ремесленников смыкался с классом эксплуатируемых крестьян.

Капиталистическая эпоха уничтожила оба эти класса или во всяком случае изменила их до неузнаваемости.

Прежде всего капитализм уничтожил во многих местах крестьянскую общину и повсеместно — цеховые объединения. Крестьяне и ремесленники были превращены в частников. Кроме того, как уже говорилось, собственность средневековых крестьян и ремесленников никогда не была капиталом, то есть не приносила прибыль. Но в капиталистическом мире для собственности, по крайней мере, для собственности на средства производства, существует закон: «Расти или умри!» И если крестьянская община еще могла сопротивляться этому закону за счет сплоченности, то

европейские крестьяне-единоличники, а равно и ремесленники, лишившиеся поддержки цехов, с развитием капитализма стали стремительно разоряться.

Однако, как ни странно, разорились они не все. Более того, в последнее время существует тенденция к превращению части наемных работников в самостоятельных работников, то есть ремесленников. В Италии многих водителей буквально заставили выкупить свои грузовики у буржуев. В России водителям в собственность или аренду отдают автобусы, троллейбусы и маршрутки, тоже не особо спрашивая водительского согласия. Многие верстальщики работают на собственных компьютерах. И т. д., и т. п.

Если бы новые ремесленники рекрутировались из хронических безработных и иных люмпенов, то это можно было бы объяснить тем, что капитализм не может существовать, не разрушая постоянно доиндустриальный уклад, а значит, нуждается в том, чтобы было, что разрушать, и потому периодически «утилизует вторсырье», заново создавая из маргиналов и просто деклассированных элементов новых ремесленников или крестьян, чтобы затем их снова разорить. Такая тенденция, кстати говоря, тоже имеет место. Однако «новыми самостоятельными» (так их принято называть на Западе, так будем называть и мы), становятся рабочие, вписанные в индустриальную систему. Неужели капитализм начал разрушать сам себя, воссоздавая докапиталистическое хозяйство?

Ларчик открывается просто. Дело в том, что собственность ремесленников (как новых, так и старых) на средства производства давно уже превратилась в фикцию.

В самом деле, разве станет собственником средств производства, скажем, рабочий механосборочного цеха, притащивший на работу свой гаечный ключ? Не станет, ибо все остальные инструменты, станки и заводские корпуса все равно останутся в собственности хозяина. Точно также у хозяина, всучившего своему работнику грузовик или автобус, останутся в собственности заправочные станции, ремонтные мастерские, а если надо, то и право заключать договора на перевозку груза или разрешать водителю ездить по тому или иному маршруту. Правда, право — это скорей власть, но власть и собственность — на самом деле две стороны одной медали. Собственность есть власть над предметом, власть есть собственность на принятие решения. И в том и в другом случае мы имеем дело с монополией. Монополия на предмет, монополия на решения — какая разница.

Аналогично обстоит дело и с хозяевами компьютеров, и с иными «новыми самостоятельными». Так же как при акционировании все решает тот, у кого в руках контрольный пакет акций, так и для средств производства существует некий «контрольный пакет», обладание которым позволяет быть фактическим хозяином производства. Не будем здесь выяснять размеры этого «контрольного пакета» собственности. Коню понятно, что компьютер или автобус так же далеки от него, как акция в одну сотую процента от контрольного пакета акций, и что обладание такой малой собственностью для работника скорей обуза, ибо вынуждает его самого заботиться о сохранности своего оборудования и оплачивать амортизацию (проще говоря, износ) оно, что раньше делал капиталист.

Правда, такая «самостоятельность» может породить у рабочего иллюзию, будто он и вправду не наемный работник, а «маленький хозяйчик». Это тоже одна из причин, по которой хозяева превращают своих рабочих в «новых самостоятельных» или наделяют их акциями в бесконечно малую долю процента (такое тоже бывало, хоть и значительно реже). Но разве таких иллюзий не может быть у «обычного» пролетария? Разве «обычный» рабочий не использует в своей работе если не собственные инструменты или собственную спецовку (потому что заводская уже износилась, а новую выдадут только через месяц), то уж во всяком случае собственные знания, собственную квалификацию? Разве не убеждали власти рабочих «соцстран», что те вообще являются полными хозяевами своих заводов? Между прочим, многие в это верили. А кое-кто и до сих пор верит. К счастью, далеко не все.

А с другой стороны, неужели газетный верстальщик так глуп, что не поймет: будь у него хоть десять компьютеров, ему все равно бы пришлось продаваться тому, кто имеет лицензию на газету и деньги на то, чтоб нанять работников? Разве шофер автобуса — такой идиот, что не поймет — от «приобретения» машины он ни на йоту не стал свободнее, скорее наоборот? Не стоит думать о рабочих, как о кретинах и лопухах, которые верят всему, чему их хотят заставить поверить.

Подведем итоги. Хотим мы того, или не хотим, но современные ремесленники, включая новых самостоятельных, по своему классовому положению являются типичными пролетариями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможно, у них есть какие-то свои особенности, но свои особенности есть у любого отряда пролетариата, будь то строители, сельхозрабочие, водители-дальнобойщики, гастарбайтеры или кто еще. Пролетариат — не однородная масса и никогда ей не был. Кстати говоря, неоднородность всегда была одним из факторов усиления революционности пролетариата. Это однако уже отдельная тема.

В заключение скажем несколько слов о судьбе крестьянства, коль скоро мы о нем столько упоминали. Вопреки мнению большинства (или, во всяком случае, значительной части) марксистов и, наверное, всех либералов, развитие капитализма не ослабляло, а усиливало феодальную эксплуатацию крестьян. Правда, при этом часто разрушалась юридическая зависимость крестьян от феодалов, но во-первых, свободные крестьяне могли эксплуатироваться не меньше крепостных, а во-вторых, во многих странах капитализм приводил не к освобождению, а, напротив, к закреплению крестьян. И если вторичное закрепление крестьян в Восточной Европе ленинисты обычно сваливают на орду Батыея которая якобы отбросила Русь (а заодно и Польшу, Венгрию, Чехию и даже никогда эту орду не видевшую Германию) в начало феодализма, то свалить «третичное» закрепление крестьян в СССР во времена Сталина им уже не на кого. Впрочем, большинство ленинистов, как известно, не считает «реальный социализм» капитализмом. Нам однако важно не, что считают ленинисты, а что было на самом деле. На самом же деле, как уже говорилось, капитализм усиливал феодальную эксплуатацию крестьянства. Постепенно однако феодальная эксплуатация превращалась в капиталистическую, а крестьяне по мере этого превращались в городских или сельских пролетариев. Там, где крестьянам удалось избавиться от феодальной эксплуатации (например во Франции), там это, вопреки мнению Ленина, тормозило развитие

капитализма (хоть и не могло остановить его совсем). Даже в США, на которые ссылался Ленин, рассуждая о двух путях развития капитализма в деревне, даже там это развитие шло быстрыми темпами не благодаря наличию свободных фермеров, а вопреки ему — в США прибыло столько эмигрантов, что для появления пролетариата не нужно было даже разорять фермеров. В европейских же странах, пошедших по «американскому пути», капитализм развивался медленнее (причем, не только в селе, но и в городе), чем в странах, пошедших по пути «прусскому» (не случайно Германия обогнала в своем развитии Францию, но так и не смогла обогнать Англию). В СССР капиталистическая индустриализация (под именем «социалистической») была проведена, благодаря новому закреплению и жесточайшей эксплуатации крестьянства (в 1921—1929 годах, когда крестьянство в СССР было в значительной мере избавлено от эксплуатации (если, конечно, не считать налогов), индустриализация шла крайне медленно, что и побудило руководство страны начать новое ограбление деревни).

Несмотря на все это, общинное крестьянство как класс проявило удивительную живучесть. В советской деревне, по мнению некоторых исследователей, еще в 50—60-е годы можно было увидеть остатки общинных отношений. По-видимому кое-где в России остатки сельской общины сохранились и до наших дней (на Северном Кавказе, в татарских, мордовских, поморских селах). Практически полностью сельская община сохранилась в Китае и во многих других странах III-го мира.

Единоличному крестьянству пришлось тяжелее. Большая часть его разорилась, ушла в город или превратилась в сельский пролетариат — батраков и арендаторов. Но все же в странах «американского пути» класс свободных крестьян-собственников или? как их еще называют, фермеров существует до сих пор? хотя и сильно поредел. Большую социальную активность в последнее десятилетие проявляли фермеры Польши (где после II мировой войны было ликвидировано помещичье землевладение, но при этом не было такого ограбления крестьянства как в СССР).

В современном российском селе кроме сельскохозяйственных рабочих — работников совхозов (большой частью, впрочем, развалившихся) можно обнаружить представителей самых различных социальных классов и слоев от полуплюмпенов, живущих обработкой огородов и сдачей металлолома, до кулаков, нанимающих сезонных и постоянных батраков. Подобное разнообразие — свидетельство не успешного развития, а наоборот развала села, в котором сегодня каждый выживает по-своему. Можно сказать, что большая часть российских сел населена маргиналами (исключение составляют те села, где, по-видимому, сохранилась община) Что же касается более глубокого изучения социальной картины российского села, то это, к сожалению, отдельная тема для отдельного разговора.

Вл. Платоненко